

ПОЭЗИЯ

Полина
Ольденбург

Пишет прозу, стихи и песни. Автор книг «Появление», «Легкомыслие», «Как становятся актрисами» (на чешском языке), «Люблю – не люблю», «Несколько нежных слов...», «Чистое счастье» и других. Член Союза русскоязычных писателей Чешской Республики. Лауреат международных поэтических конкурсов: «Литературной газеты» (2005) и «Ветер странствий» (Рим, 2009), «Золотое перо Руси» (Москва, 2023).

Родилась в Казани в семье оперного певца Эдуарда Трескина. С 13 лет жила и училась в Праге. Закончила Высшую актёрскую школу в Праге и Высшие курсы сценаристов и режиссёров в Москве по специальности «кинодраматург». Училась на вокальном отделении музыкального колледжа им. Гнесиных (Москва).

В настоящее время – режиссёр художественных фильмов. Сняла несколько короткометражных игровых фильмов, а также полнометражный художественный фильм «Корпорация «Ad libitum», получивший четыре международных награды, в том числе Гран-при и приз за Лучшую режиссуру. Популярный исполнитель своих песен с рок-ансамблем «Ольденбург-бенд», поёт в таких клубах, как «16 тонн», «Китайский лётчик Джао-Де», «Март», «Дума» и др.

Ранее в нашем альманахе была представлена проза Полины, теперь – поэзия.

Девочка ландыш-роза...

Девочка ландыш-роза
не признавала прозу.
Девочка – всё и сразу, стрелки и *total black*,
Мальборо и текила, не поддавалась гипнозу,
девочка – ландыш-роза,
ты – Двадцать первый век.

Девочка амбра-мускус.
Движется каждый мускул.
Скулы, осколки детства джинсами по земле.
Музыка и Венера, всё ещё целы нервы.
Девочка – амбра, мускус,
словно на вертеле.

Девочка цитрус-мята.
Больше ничто не свято.
Сириус, триллер, Брейгель, кеды, басовый строй,
лето, косые взгляды, эмбиент и баллады.
Девочка – цитрус-мята.
Сумеречный герой.

Девочка – чёрный перец.
Терпкий прозрачный херес,
тоненький полумесяц, розовый кварц-кристалл,
тихий открытый космос, и никаких вопросов.
Девочка – чёрный перец,
девочка – ножны-сталь.

Когда мне будет 100, а тебе 99...

Когда мне будет 100, а тебе 99,
и я решу улететь всерьёз, а тебе что делать?..
Приготовишь пирог, позовёшь гостей,
почитаешь стихов моих всех мастей.
А картины мои станут выше в цене –
не давай им бездарно висеть на стене,
распродай их и бешено разбогатеи!
Сможешь выстроить замок для наших детей.
Улыбайся, цвети, и лицом розовей,
и меня на рассвете над морем развей...

Райан Гослинг

Хочу такого парня, как Райан Гослинг, –
чтобы играл на рояле, как в Ла-Ла Ленде.
Чтобы летал со мной – и до, и во время, и после.
Чтоб миллиард, если в денежном эквиваленте.
Хочу, чтобы умный был, как мой папа,
чтоб никогда не нёс ахинеи.
Если не сможет, как папа, то пусть хотя бы
чтобы, как я был, или... чуть-чуть умнее.
Пусть он умеет слушать не только ветер,
пусть понимает прозу, архитектуру,
будет распахнут пусть ко всему на свете,
но в чём-то важном одном он – гуру.
Пусть он умеет плакать в конце сеанса,
пусть мы смеёмся вечно, ведь юмор – сила!
Пусть он читает вслух Христиана Ганса
мне перед сном, если я попросила.
Пусть принадлежность к одной породе
нам не наскучит. Пусть бережёт тотемы.
И никогда ни при какой погоде
не обсуждает со мной бытовые темы.

Бог спонтанности, ты ловкач!..

Бог спонтанности, ты ловкач.
Вспоминай меня, вспоминай!
Умудрялся устроить кач,
пока тлеет Парламент Найт.
Иероглиф, как Си-диз,
вроде До и не назовёшь.
Мы заплыли за волнорез,
сильно дальше не уплывёшь.
Мне хотелось тебя глотать
дымом, Хеннесси, чёрт-те чем.
Прорасти в тебя, расшатать
твой фундамент. Вопрос – зачем?
Предсказуемо скажешь: блажь.
И снаружи, и изнутри
ты – придуманный персонаж.
Сядь и реплики повтори!

Эй, закрывай глаза, забивай эфир...

Эй, закрывай глаза, забивай эфир
разного рода звуками, муа месье!
Ради чего? Да просто. Налей кефир
в мозеровский бокал для Курвуазье.
Не навреди здоровью, ложись-вставай
вовремя. Станет страшно, тогда – молись.
В долг не бери. Разумеется, не давай.
Поберегись случайностей. Веселись
в меру. Пусть будет рада твоя родня –
разве не умница? Ловкий, и все дела!
Слава тебе, Спаситель, что без меня!
Вдруг бы с пути-дорожки тебя свела?
Шлялись бы, может, где-то по полюсам,
плыли в пироге, в горы могли залезть.
Я опускаю руки. Попробуй сам.
Помни, что ты бессмертный, и время есть!

Прячем лица в шарфы, в айфоны...

Прячем лица в шарфы, в айфоны.
Выпуская дым, искажаем рты.
А в наушниках Шнитке фоном
к октябрю. Мы теперь на «ты».
Мне бы чаще глядеться в небо,
перестать себя ощущать иной.
Перерезать луч от себя до Феба.
Гренгуару доброму стать женой.
Времена другие, другие нравы,
отщепенцем делая храбреца,
упакуят в пластик (и будут правы)
от греха подальше свои сердца.

Детка, брось убиваться! Такая штука...

Детка, брось убиваться! Такая штука
не имеет ни смысла, ни перспектив.
Просто всё несерьёзно, насмешка, шутка.
Не познаешь, не ощутив
амплитуды с размахом в тыщи
километров – вершину горы Монблан.
Среди копий себя отыщешь –
 разработаешь новый план!
Потихонечку, год за годом,
наполняя уютom дом,
бесконечные хороводы
ведут люди и ждут «потом».
Ждут, когда повстречают принца,
ждут, когда наберутся сил,
ждут, когда на билет до Ниццы
наскребут, настоят кизил...
Ждут весну – а потом по кругу –
ждут каникул и отпусков.
Все почти холодны друг к другу,
кроме нас с тобой, дураков.
Замолкай и взрывай петарды!
Где поранили – наложили швы
семь с копейками миллиардов...
Не тревожь их!
Они мертвы.

И хочется очень простых вещей...

И хочется очень простых вещей:
сидеть у камина с тарелкой щей,
уставившись в телевизор.
Салат Оливье и кубинский ром,
твой правильный профиль на контрольном –
по фону, возможно, Визбор.
Ложиться не поздно, считать слонов,
спать до утра без тревожных снов.
Верить своим глазам.
Тихую радость смакуя, мочь
самого близкого – хоть всю ночь! –
гладить по волосам.
Хочется мчать с тобой по шоссе
и по дороге писать эссе,
Радио Джаз... и в Плёс.
Быть твоим другом, твоим ребром,
чувствовать кожей и всем нутром,
что ты ко мне всерьёз.

Проваливаюсь в твой одеколон...

Проваливаюсь в твой одеколон,
как в чёрную дыру, теряю ум.
Ты наступаешь, как антициклон,
ты поражаешь, как рахат-лукум
рецепторы турецких бедняков.
Твой голос – глас из глубины веков.
Твой взгляд отрикошетит и вполне
сверхновый кратер выжжет на Луне.
Ещё немного, вечность, пять минут –
забуду имя, город и страну...
Уйду за край, и пусть меня запрут
в гарем, как сотую твою жену.
Я кофе на подносе по утрам
готова буду приносить в постель.
Ты улыбнёшься – плавится вольфрам.
Ты сдвинешь брови – хмурится апрель.
Кто сотворил тебя, приди, открой
соединений совершенных суть!
Татуировку сделаю на грудь,
и будет на Земле такой второй!

Неважно, кто ты на самом деле...

Неважно, кто ты на самом деле,
каков твой нрав, каковы привычки,
и сколько шрамов на этом теле,
и сколько слов ты берёшь в кавычки.
Неважно, скольких ты сделал в покер,
и сколько жмёшь от груди в спортзале,
неважно Бэтмен ты или Джокер,
неважно, что про тебя сказали
друзья, враги, и неважно, есть ли
в твоём движении перспектива,
чего ты стоишь, в разведку если,
умеешь ли говорить учтиво...

Я так давно сочиняю данность,
я сочинитель с заглавной буквы,
любой фрагмент и любая странность
твоя – моя проекция будто.
И можешь быть ты каким угодно,
валяй, расстреливай, шли в конверте
свои слова, одевайся модно,
обдай презрением, слушай Верди.
Случилось так – завершилось детство.
Не выбор наш, а программа свыше.
Тебе и мне никуда не деться,
пока «*game over*» нам не напишут.

Снова спираль сжимает свои витки...

Снова спираль сжимает свои витки.
Воздух плотнее сделался и острей,
чем аммиак.

И прыгают огоньки
вместо привычных к статике фонарей.
Я понимаю меньше, чем в сентябре,
меньше, чем в двадцать, я скоро начну с нуля.
Эта прогрессия – норма у нас в игре.
Ты – неизбежное следствие февраля.

Москва